

быть, судьба капитанской дочки сложилась бы скорее всего иначе и свадьбы не было бы...

Ряд русских пословиц имеют точное соответствие во вьетнамском языке – например, “из огня да в полымя”, “мирская молва, морская волна”, “Конь о четырех ногах, да спотыкается”.

В других случаях переводчик находит верные соответствия в своем языке. “Семь бед, один ответ” переведено *Bai той, мот ден*, т.е. “семь вин, одно воздаяние”; “долг платежом красен” – *Ко ди ко лай мой тоаи лон ньяу* (“я тебе, ты мне, и все довольны”). Иногда переводчик употребляет пословицу там, где ее в оригинале нет (это тоже вполне оправданно) – например, фразу “дело не обошлось без увечья” (при подборе толпой медных денег, брошенных Пугачевым) – *Быу дау, щыт чан*, т.е. так столкнулись, что “на голове шишки, а на лбу щербинки”, так говорят во Вьетнаме о большом беспорядке при скоплении людей.

Впрочем, порой перевод неудачен. Когда Хлопуша говорит Белобородову: “тебе бы все душище да резать”, Као Суан Хао переводит пословицей: *Боп хау, кат хонг* (“хватать за горло да резать шею”). Казалось бы буквальный смысл вполне сохранен, но во вьетнамском языке у этого речения – вполне отчетливый переносный смысл: “брать за горло” – это прежде всего подвергать кого-либо усиленной эксплуатации.

Эпиграф к роману не имеет прямого аналога во вьетнамских пословицах, но вьетнамский читатель может почувствовать, как отдельные эпизоды произведения, так и все они в целом отзываются эхом во многих перлах народной мудрости: “У реки – исток, у человека – предки”, “Рыба портится без соли – ребенок без присмотра”, “Кто дает добро, тот добро и получает”, “Руки испачкаешь – и лицо будет грязным”, “Коли живешь честно, всякую беду переможешь”, “Когда честный человек попадает в беду – мошенник радуется”, “У реки свои повороты, у человека свои”, “Отец и мать рожают сына, а его характер рождает судьба”, “Поддыхает лисица – остается шкура, умирает человек – остается имя”.

Собственно, в пушкинском “Береги честь смолоду” заключена полифония всех этих понятных вьетнамскому народу истин.

Выскажем в связи с этим предположение: очевидно эти (и подобные им) пословицы могли бы прозвучать в переводе, если не в полном, то в редуцированном виде, явственно обнаруживая след своей внутренней формы.

Остановимся на других приемах переводчика.

Во вьетнамском языке простое слово и слово-повтор отличаются не только по форме, но и по содержанию. Экспрессия и эмоциональная окраска слова-повтора выше или ниже по сравнению с простым словом.

В главе XII отец Герасим говорит своей жене: “Полно, старуха; не все то ври, что знаешь. Несть спасения во многом глаголании”. Као Суан Хао переводит: “У тебя разговорчивый рот, говоришь всякое. Больше языка, меньше ума. Одно слово – целый сверток бед” [4, с. 329].

Во вьетнамском языке словосочетание “У тебя разговорчивый рот, говоришь всякое” похоже по смыслу на “Безумолку болтать весь день”. Переводчик использовал слово *Соен соет* (без умолку болтать). Это слово-повтор описывает человека, который много говорит и очень любит болтать о других людях. Такое слово очень соответствует характеру героини Акулины Памфиловны (жены отца Герасима).

В главе I Петр Гринев говорит о “своем учителе” Бопре: “Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности”. Во вьетнамском языке “беспутен” может переводиться как “опрометчивый”, “необдуманный”, но Као Суан Хао перевел *Бонг лонг* – “бесцельно бродить”. *Бонг лонг* – это слово-повтор. Оно описывает человека, который любит болтаться без дела. Такое слово очень соответствует характеру “учителя” Бопре.

Сложность перевода “Капитанской дочки”, казалось бы, возрастает в связи с тем, что действие романа отнесено писателем в прошлое и все события предстают в изложении героя. Это предполагало необходимость некоторой архаизации языка повествования. Отметим, однако, что в романе Пушкина эта архаизация соблюдена достаточно деликатно: собственно лексические архаизмы (типа “фортеция”, “сикурс”, “смертные убийства”) употребляются преимущественно в подобранных “издателем” эпиграфах и “документах”, которые цитируются рассказчиком (мемуаристом) Гриневым. Стилизация под старинный рассказ проявляется скорее в ритме неторопливого повествования, в синтаксисе (апофегмах), которые изредка по ходу рассказа роняет герой (например: “Ужасно видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”), а также в эпиграфах к главам романа, по большей части ориентированных на XVIII в. Као Суан Хао вполне справляется с такими чертами стиля, тем более что они для вьетнамской литературы не необычны. Еще танские новелисты, чтобы придать рассказам большую достоверность, уверяли читателей, что знали своих героев или слышали о них от своих друзей. Там же мы находим прямые аналогии пушкинским замечаниям типа: “Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты”.

Во вьетнамской новелле XIV–XVI вв. повествование об исторических лицах вытесняется интересом к удивительному, таинственному, связанному с топонимическими легендами, культом